

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Правовые и нравственные проблемы доказывания в уголовном процессе»

Обучающийся

М.М. Шляпин

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Т.Ю. Дементьева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Доказывание, в соответствии с устоявшейся в теории отечественного уголовного процесса концепцией, является важнейшей составляющей уголовно-процессуальной деятельности. Именно от качества уголовно-процессуальной деятельности, связанной с доказыванием, зависит эффективность производства по делу, своевременность и обоснованная объективность привлечения виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности.

Безусловно, нормативное регулирование и правоприменение в отношении доказывания не лишено недостатков и упущений, что предопределяет важность системного анализа проблем доказывания и внесения соответствующих изменений в действующий УПК РФ, направленных на совершенствование действующих нормативных предписаний и практики их реализации в ходе осуществления процессуальной деятельности.

Цель исследования: проанализировать правовые и нравственные проблемы доказывания в уголовном процессе Российской Федерации.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика исследования обозначена в ряде научных работ отечественных специалистов, таких как: А.Р. Белкин, Р.С. Белкин, Е.А. Доля, К.Б. Калиновский, В.М. Корнуков, А.М. Ларин, А.В. Смирнов, М.С. Строгович, С.А. Шейфер и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие и общая характеристика доказывания в уголовном процессе России	6
1.1 Понятие, сущность и цели доказывания в уголовном процессе России	6
1.2 Содержание доказывания в уголовном процессе России.....	14
Глава 2 Анализ правовых проблем доказывания в уголовном процессе России	24
2.1 Проблемы участия адвоката-защитника в доказывании	24
2.2 Проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности	30
Глава 3 Анализ нравственных проблем доказывания в уголовном процессе России	40
3.1 Понятие и содержание нравственных основ доказывания в уголовном процессе России.....	40
3.2 Проблемы соблюдения нравственных требований при доказывании в уголовном процессе России.....	44
Заключение	54
Список используемой литературы и используемых источников	62

Введение

Актуальность исследования. Следует отметить, что доказывание, в соответствии с устоявшейся в теории отечественного уголовного процесса концепцией, является важнейшей составляющей уголовно-процессуальной деятельности, которой уделено значительное внимание в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [71] (УПК РФ).

Во многом, именно от качества уголовно-процессуальной деятельности, связанной с доказыванием, зависит эффективность производства по делу, своевременность и обоснованная объективность привлечения виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности.

Что примечательно, указанная деятельность имеет не только нормативный – уголовно-процессуальный аспект, но и не менее значимый нравственно-этический аспект, нередко игнорируемый исследователями, несмотря на то, что право всегда должно отвечать требованиям нравственности.

Безусловно, нормативное регулирование и правоприменение в отношении доказывания не лишено недостатков и упущений, что предопределяет важность системного анализа проблем доказывания и внесения соответствующих изменений в действующий УПК РФ, направленных на совершенствование действующих нормативных предписаний и практики их реализации в ходе осуществления процессуальной деятельности.

Цель исследования: проанализировать правовые и нравственные проблемы доказывания в уголовном процессе Российской Федерации.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие, сущность, цели и содержание доказывания в уголовном процессе России;
- проанализировать основную процессуальную проблематику исследуемой темы, уделив внимание проблемам участия адвоката-

- защитника в доказывании, а также проблемам использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности;
- определить понятие и содержание нравственных основ доказывания в уголовном процессе России;
 - рассмотреть отдельные проблемы соблюдения нравственных требований при доказывании в уголовном процессе России;
 - определить выводы и предложения, связанные с совершенствованием существующего нормативного регулирования и правоприменительной практики.

Объект исследования: уголовно-процессуальные отношения, связанные с осуществлением доказывания при производстве по уголовным делам.

Предмет исследования: нормы уголовно-процессуального законодательства, а также различные материалы правоприменительной практики.

Методология исследования: данное исследование построено на основе применения ряда методов современного научного познания, включая всеобщий диалектический метод познания, а также иные методы.

Степень разработанности темы исследования. Проблемы доказывания обозначены в целом ряде научных работ многих отечественных специалистов, таких как: А.Р. Белкин, Р.С. Белкин, Е.А. Доля, К.Б. Калиновский, В.М. Корнуков, А.М. Ларин, А.В. Смирнов, М.С. Строгович, С.А. Шейфер и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и общая характеристика доказывания в уголовном процессе России

1.1 Понятие, сущность и цели доказывания в уголовном процессе России

Без сомнения, доказывание, осуществляемое в уголовном судопроизводстве на разных его этапах, выступает в качестве важнейшей составляющей уголовно-процессуальной деятельности.

Как верно определил в своей работе С.А. Шейфер, «доказывание – получение доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события – является единственным средством достижения целей судопроизводства» [80, с. 7].

В соответствии со ст. 6 УПК РФ, в качестве цели, или назначения уголовного судопроизводства, законодатель определяет: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Для того, чтобы обеспечить действительно эффективное противодействие преступности, а также обеспечить защиту прав и законных интересов физических лиц и организаций в рамках уголовного судопроизводства, необходимо, чтобы по каждому уголовному делу были определены в точном соответствии с объективной действительностью все значимые обстоятельства, связанные с событием преступления.

Только в этом случае, как отмечают отдельные авторы, «представляется возможным правильно разрешить в ходе уголовного судопроизводства вопросы о наличии в исследуемом событии состава преступления, о виновности конкретного лица в совершении преступления и применить к нему справедливое наказание» [74, с. 35].

Объективное установление и юридическое закрепление сведений о произошедшем в прошлом событии преступления во всех его значимых с точки зрения уголовно-процессуального регулирования аспектах, производится лишь благодаря осуществлению доказывания.

Вне рамок доказательственной деятельности рассмотрение и разрешение судом уголовных дел не может быть реализовано в принципе, поскольку ключевые процессуальные решения суда должны быть законными, обоснованными и справедливыми, а такими они могут стать лишь при наличии объективного доказательственного базиса.

В этой связи, вопросы, связанные с доказыванием, без сомнений, являются центральной составляющей российского уголовного судопроизводства.

Как правило, в уголовно-процессуальной науке о процессе доказывания говорят, как о деятельности, направленной на установление истины, её познания и обоснования представлений о её содержании.

Наиболее содержательные позиции можно встретить в работах советских учёных процессуалистов.

По мнению А.Р. Ратинова, «сущность этого процесса заключается в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств; а в деятельностном аспекте он представляет собой единство познавательного и удостоверительного моментов» [61, с. 107].

Классик советского уголовного процесса М.С. Строгович считал, что «доказывание – это установление при помощи доказательств всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела... Иными словами, доказывание – это пользование доказательствами для выяснения обстоятельств уголовного дела» [68, с. 295].

Также высказывалось мнение о том, что доказывание вполне можно определить, как «деятельность следственно-судебных и прокурорских органов по собиранию, закреплению и оценке доказательств» [13, с. 12].

А.И. Трусов кратко называл доказывание «процессом установления фактов» [69, с. 8].

В работе под редакцией Б.Т. Безлепкина высказано мнение, что доказывание «представляет собой осуществляемую в соответствии с требованиями процессуального закона деятельность органов расследования, прокуратуры и суда по собиранию, исследованию и оценке фактических данных об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу» [70, с. 54].

В данных формулировках делается акцент на непосредственной работе соответствующих субъектов с доказательствами.

В других определениях авторы делают иные акценты – в частности, указывают на целевую направленность доказывания, исходя из того, что доказывания в уголовном процессе неразрывно связано с его философской первоосновой – познанием.

Так Р.Х. Якупов определяет уголовно-процессуальное доказывание как «форму опосредованного познания явлений объективной реальности, целью которого является достижение объективной истины» [87, с. 200].

Тем не менее, вопрос возможности достижения объективной истины в ходе доказывания, осуществляемого в уголовном судопроизводстве, не находит однозначное понимание.

Следует признать правоту авторов, которые считают, что «познание обстоятельств уголовного дела в полном соответствии с действительностью, т.е. установление материальной, или объективной, истины возможно не во всех случаях. Позитивное познание обстоятельств преступления порой сталкивается с неодолимыми трудностями, такими как утрата его следов, сокрытие подозреваемого» [66, с. 125].

Как верно указывается авторами, «в специфических условиях познания, осуществляемого в рамках уголовного судопроизводства, для достижения назначения уголовного судопроизводства правоприменителю приходится прибегать к юридическим фикциям в виде презумпций и преюдиций,

посредством чего фактически не познанные или оставляющие сомнения в своей истинности обстоятельства, связанные с преступлением, условно принимаются в качестве истинных» [53, с. 147].

Безусловно, достижение объективной истины, путём полного и объективного установления обстоятельств уголовного дела представляется в качестве идеального итога доказывания в уголовном процессе, но в реальных условиях такой результат видится фактически недостижимым. Следует признать, что на практике мы всегда имеем дело с вероятностью (пусть даже минимальной), что те, или иные события, имеющие значение для уголовного дела, установлены с искажениями, влияющими на их истинность.

Отдельные авторы в этой связи пишут о том, что «в последнее время наметилась тенденция к отрицанию возможности (и необходимости) постижения объективной истины, замене её истиной формальной, процессуальной (судебной)» [26, с. 72].

Так А.И. Макаркин отмечает, что «достижение объективной истины по каждому уголовному делу невозможно. И в целом ряде случаев суд всё же бывает вынужден довольствоваться истиной формальной (процессуальной, юридической)» [39, с. 59].

То есть, идеальной видится ситуация совпадения формальной истины с истиной объективной, как категорией, характеризующей полное, объективное и безоговорочное соответствие действительности.

В этой связи, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский считают, что «истина как цель доказывания включает в себя не только объективную, или материальную, истину, но и истину юридическую, или формальную» [66, с. 126].

То есть, как отмечается авторами, «в качестве цели доказывания в уголовном процессе предлагается использовать не категорию «объективная истина» в узком значении полного соответствия реальности, а категорию «истина», имеющую более широкое значение, позволяющее считать, что цель доказывания достигнута, когда все обстоятельства, имеющие значение для

уголовного дела, установлены в пределах, которые определены в нормах УПК РФ, как достаточные для вынесения судебного решения по существу дела» [33, с. 185].

С данным подходом в определении содержания категории «истина», как цели доказывания, вполне можно согласиться.

Как указывал в своей работе С.А. Шейфер, «в теории доказательств утвердилось представление о доказывании как познании (непосредственном и опосредованном) события прошлого, осуществляемом следователем, прокурором, судом в особой процессуальной форме – путем собирания, проверки и оценки доказательств» [80, с. 9].

В данном определении, с одной стороны, присутствует указание на процессуальные элементы доказывания, а с другой стороны делается акцент на познавательной сущности данной деятельности.

Если рассматривать доказывание с позиции его сущностного содержания, то в таком случае эту деятельность можно охарактеризовать как познавательную и удостоверительную.

Отдельные авторы рассматривают доказывание с позиции общей цели данной деятельности. По мнению А.Р. Белкина, доказывание в сущностном плане понимается как процесс познания, а именно – процесс установления истины [4, с. 12].

Также в науке есть дискуссия о том, следует ли выделять уголовно-процессуальное или судебное познание в разряд особой разновидности познания.

На данный счёт высказываются разные мнения. Одни исследователи полагают, что «следует исходить из положения о всеобщности процесса познания, из того, что нет и не может быть специфически судебного познания истины. Субъект доказывания, устанавливая при помощи доказательств обстоятельства дела, точно так же, как и в любых других областях человеческой деятельности, переходит от чувственного восприятия отдельных фактов, признаков, свойств тех или иных объектов, играющих роль

доказательств, к логическому осмыслению воспринятого, к рациональному мышлению» [4, с. 12].

Другие авторы, соглашаясь с тем, что доказывание базируется на общей теории познания и включает в себя все общие черты познания, замечают, что «доказывание в уголовном судопроизводстве имеет ряд существенных особенностей, отличающих его от иных форм человеческого познания, коренящихся в условиях протекания этого процесса» [66, с. 122].

Обозначим данные особенности более подробно.

Доказывание, как верно указывается процессуалистами, «осуществляется применительно к производству по уголовным делам в связи с совершением уголовно наказуемого деяния. В этой связи, оно применяется для того, чтобы установить не какой-то абстрактный спектр обстоятельств, а только тех, что имеют значение для правильного расследования преступления, обоснованного привлечения виновного в его совершении лица к уголовной ответственности и объективного рассмотрения и разрешения дела по существу судом, обладающим исключительной компетенцией в данном аспекте» [29, с. 8].

Доказывание в уголовном процессе предполагает достаточно узкий предмет, определяемый в ст. 73 УПК РФ как обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Важным является тезис о том, что «доказывание в уголовном судопроизводстве не ограничивается одной лишь мыслительной деятельностью, а включает в себя, в соответствии с нормативным содержанием ст. 85 УПК РФ, деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, в целях установления обстоятельств, включаемых законодателем в содержание предмета доказывания, сформулированного, как уже было отмечено, в ст. 73 УПК РФ» [7, с. 190].

В этой связи в науке также пишут о том, что «доказывания также предполагает оценку устанавливаемых обстоятельств с точки зрения их достоверности, т.е. соответствия действительности. Речь идёт не только о

самих фактах, понимаемых как некие материальные фрагменты реальности, но также их связи, отношения, закономерности» [7, с. 56].

Доказывание в уголовном процессе имеет не только познавательную, но и сугубо практическую уголовно-процессуальную сторону – процессуальную форму.

Соблюдение такой формы доказывания обеспечивает: «наиболее целесообразный порядок познания истины по делу, поскольку в процессуальных правилах доказывания находят отражение оптимальные способы познания обстоятельств уголовных дел; защиту прав и законных интересов участников судопроизводства; удостоверение (фиксацию) результатов доказательственной деятельности, которая создает условия для проверки собранных доказательств и на этой основе достоверного познания обстоятельств дела не только субъектом доказывания, непосредственно собирающим доказательства, но и другими участниками уголовного судопроизводства, обладающими властными полномочиями» [73, с. 122].

Процессуальная форма, в свою очередь, предполагает использование в качестве средств доказывания, лишь предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством инструментария.

Доказывание по уголовным делам осуществляется в строгих рамках процессуальных сроков, в этой связи можно сделать вывод о том, что доказывание носит срочный характер.

Также в литературе отмечается конфликтный характер ситуации, связанной с доказыванием в уголовном судопроизводстве, что накладывает свой отпечаток на содержание и процессуальные способы доказывания.

Как верно указывал А.М. Ларин, «ни в одной области познания, кроме доказывания по уголовным делам, исследователю не противостоит субъект, кровно заинтересованный в неудаче исследования, порою еще неизвестный и не брезгующий никакими средствами» [35 с. 45].

Соответственно, сама фактическая возможность осуществления доказывания в уголовном судопроизводстве обеспечивается применением

государственного принуждения, посредством которого, независимо от желания участников уголовного судопроизводства, вовлекаемых в процесс доказывания, достигаются необходимые результаты доказывания.

Также исследователи обращают внимание на двойкость толкования категории доказывания в уголовном судопроизводстве.

По мнению С.А. Шейфера, «доказывание принято трактовать в широком и узком смыслах: в первом – как осуществление всей познавательной деятельности субъектов, ведущих процесс, охватывающей не только оценку, но и собирание и проверку доказательств, во втором – лишь как логическую деятельность по обоснованию выдвигаемого тезиса» [80, с. 12].

Данная позиция находит поддержку и в других работах: «доказывание (в широком смысле) – это деятельность субъектов, направленная на установление с помощью доказательств истинности обстоятельств дела, включающая собирание, исследование и оценку доказательств. В узком смысле понятие доказывания состоит в деятельности по обоснованию выдвигаемых доводов и возражений, по убеждению в их истинности тех или иных лиц» [1, с. 248].

Двойное толкование, соответственно, имеет и оборот «обязанность доказывания».

Как в широком, так и в узком значении, обязанность доказывания адресована законодателем лишь должностным лицам стороны обвинения, в соответствии с принципом презумпции невиновности, обозначенным в ст. 49 Конституции Российской Федерации [30] (Конституции РФ) и детализированным в ст. 14 УПК РФ.

Ряд других участников уголовного судопроизводства вправе участвовать в доказывании, с учётом особенностей, предусмотренных УПК РФ, тоже выступая в качестве субъектов доказывания, но обязанность доказывания на них не лежит.

Следует сделать вывод о том, что в научной и учебной литературе, как правило, ведут речь именно о доказывании в широком смысле, равно как и об обязанности доказывания.

Опираясь на изложенные подходы в научном определении доказывания, а также исходя из нормативного содержания ст. 85 УПК РФ и подходов в определении цели доказывания, можно сформулировать следующее определение: «доказывание в уголовном судопроизводстве – это познавательно-удостоверительная деятельность субъектов доказывания, осуществляемая с учётом особенностей уголовно-процессуального регулирования, посредством собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления истины по уголовному делу, в объёме, необходимом для достижения назначения уголовного судопроизводства».

1.2 Содержание доказывания в уголовном процессе России

Содержание доказывания, в соответствии со ст. 85 УПК РФ, а также положениями главы 11 УПК РФ, составляет уголовно-процессуальная деятельность, связанная с собиранием, проверкой и оценкой доказательств.

Данные составляющие традиционно именуют элементами процесса доказывания.

Тем не менее, в науке присутствуют разные подходы к пониманию элементов доказывания.

Так, например, А.М. Ларин рассматривал в качестве самостоятельных составляющих доказывания «поиск и обнаружение доказательств и их закрепление (фиксирование)» [35, с. 43], И.Б. Михайловская полагала, что «элементами процесса доказывания следует считать обнаружение, собирание и закрепление доказательств» [41, с. 62], М.С. Строгович рассматривал в этом ряду «обнаружение доказательств, их рассмотрение и процессуальное закрепление» [68, с. 302].

Собирание доказательств без сомнения выступает в качестве первичного элемента доказывания, ведь, как отметил в своей работе С.А. Шейфер, «собираание доказательств нельзя рассматривать как завладение уже готовыми, существующими в природе доказательствами. В действительности существуют различные по характеру отпечатки, следы преступления, несущие информацию о нем. Восприятие путем применения надежных процессуальных средств и процессуальное закрепление (сохранение) этой информации и составляют сущность собирания доказательств» [85, с. 16].

С.А. Шейфер включает в понятие собирания доказательств «отыскание, восприятие и закрепление доказательственной информации» [84, с. 18].

Подобная позиция звучит в работах других авторов. Так А.А. Хмыров пишет о том, что «собираание доказательств включает в себя два одинаково важных момента: обнаружение (истребование, представление) фактических данных и процессуальное их закрепление (фиксацию)» [78, с. 105].

Основным способом собирания доказательств в российском уголовном процессе традиционно считается производство следственных действий, предусмотренных разделом VIII УПК РФ «Предварительное расследование».

Как в этой связи указывает В.М. Корнуков, «следственные действия считались и считаются основным средством, а их производство – основным способом собирания и исследования доказательств. Другого назначения указанные уголовно-процессуальные явления не имеют» [31, с. 600].

Представляется, что в содержание собирания доказательств можно включить в качестве составляющих такие элементы как обнаружение (розыск, поиск), получение и фиксацию доказательств.

«Обнаружение доказательств – их отыскание, выявление, обращение внимания на те, или иные фактические данные, которые могут приобрести доказательственное значение. Это начальная и необходимая стадия их собирания. Собрать можно только то, что разыскано, обнаружено, стало известным субъекту доказывания» [65, с. 40] – пишут отдельные исследователи.

Рассматриваемый элемент собирания доказательств чаще всего сопровождает производство тех следственных действий, которые предполагают поиск – например, осмотр, обыск.

Наряду с производством следственных действий, сведения, имеющие значения для уголовного дела, могут быть собраны и иными процессуальными способами, в качестве которых в науке называют «истребование» и «представление».

Законодатель не предусматривает каких-то отдельных особенностей истребования и представления доказательств. Также отдельные авторы задаются вопросом: «является ли процедура представления доказательства сходной по своей природе с производством следственного действия, или же является отдельной процессуальной процедурой?» [23, с. 10]

Отдельными авторами отмечается, что «представление доказательств является пассивной формой их получения» [29, с. 12].

Есть также мнение, что истребование и представление доказательств, как способы собирания доказательств, следует считать иными процессуальными действиями [25, с. 192].

О данных способах собирания доказательств говорит Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих Постановлений: «в целях вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора или иного судебного решения суд апелляционной инстанции оказывает содействие сторонам в собирании и представлении доказательств путем производства судебных и иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в том числе истребования по ходатайству сторон справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений. Представленные суду апелляционной инстанции дополнительные материалы подлежат проверке и оценке в совокупности с другими доказательствами» [57].

Фиксация доказательств также выступает в качестве неотъемлемой составляющей собирания доказательств, поскольку требование обязательной процессуальной формы требует необходимости процессуального закрепления доказательства.

Конкретная форма фиксации уголовно-процессуального доказательства находится в прямой зависимости от того, какое именно следственное или иное процессуальное действие проводится.

Как указывается авторами, «назначение этих правил состоит в создании такого порядка закрепления доказательств, который гарантирует наиболее точное их отражение в материалах дела, обеспечивает необходимые условия сохранения полученных сведений, а также создает гарантии получения достоверных доказательств. Эти правила ограждают права и законные интересы граждан. Нарушение закона при собирании доказательств лишает полученную информацию юридической силы» [64, с. 23].

Игнорирование правоприменителем в лице следователя или дознавателя требований, которые связаны с соблюдением процессуальной формы, неизменно влечёт признание полученных сведений недопустимым доказательством.

Следующим элементом доказывания является проверка доказательств.

В научной литературе, в ряде случаев, авторы говорят не о проверке доказательств, а об иной деятельности.

Так, Р.С. Белкин говорит об исследовании доказательств, подразумевая под этим термином «познание следователем или судом содержания доказательств, убеждение в достоверности фактических данных, составляющих содержание доказательств» [5, с. 266].

Соответственно, под исследованием доказательств автор понимает проверку достоверности сведений, что позволяет сделать вывод о том, что под исследованием в данном случае всё же подразумевается проверка доказательств, как элемент доказывания.

Аналогичная точка зрения на проверку доказательств обозначена в работе В.А. Лазаревой, которая пишет о том, что «сущность проверки доказательств проявляется именно через категорию исследование доказательств» [33, с. 28].

Такие представления о проверке доказательств лишают её самостоятельности. В частности, А.М. Ларин указывал: «доказывание в целом это не собирание, проверка и оценка доказательств, а сложная деятельность субъектов уголовного процесса, состоящая в исследовании фактов для познания истины по делу» [35, с. 8].

М.А. Михеенкова полагает, что «проверка доказательств в решениях высших судебных органов достаточно часто именуется исследованием доказательств, сливаясь при этом с оценкой доказательств» [42, с. 26].

Тем не менее, условно разграничить процесс доказывания на отдельные элементы доказательственной деятельности можно и нужно, для исследовательских и практических задач, связанных с доказыванием в уголовном судопроизводстве.

С.А. Шейфер указывает, что «изначально в природе не существует доказательств, существуют лишь следы, оставленные событием и несущие информацию о нем. Воспринимая доказательственную информацию, заключенную в следах, субъекты доказывания преобразуют ее по форме, и лишь в таком виде данная информация становится доказательством в уголовно-процессуальном смысле» [81, с. 23].

Все собранные сведения, потенциально имеющие доказательственное значение, должны быть именно проверены соответствующим субъектом, наделённым правом придать таким сведениям статус уголовно-процессуального доказательства. И только в этом случае, лишь став собранным и проверенным доказательством, данные сведения могут быть оценены.

Нельзя отождествлять проверку доказательств с их исследованием, т.е. познанием их содержательной стороны, однако, это не исключает тесную взаимосвязь элементов процесса доказывания.

Как отмечает Е.А. Доля, в ходе проверки доказательственной информации «создаются условия для возможности осуществления дальнейшего процесса познания по уголовному делу – и самой проверки, и последующей оценки всей совокупности собранных и проверенных доказательств. Как в собирании доказательств уже в зародыше имеются все предпосылки для их последующей полной, всесторонней и объективной проверки, так и проверка содержит предпосылки для оценки совокупности доказательств, обуславливает реальность ее проведения» [16, с. 25].

Исходя из сказанного, мы имеем дело с ситуацией, когда проверкой доказательства именуют как элемент доказывания, так и иную смежную деятельность.

В данном контексте правы специалисты, которые пишут о том, что «с одной стороны, проверка доказательств – это самостоятельный элемент процесса доказывания, следующий за собиранием доказательств и предшествующий их оценке, осуществляемый способами, указанными в ст. 87 УПК РФ. С другой стороны, это проверка информации, осуществляемая непосредственно в ходе ее собирания теми приемами, которые составляют содержание соответствующего следственного или иного процессуального действия» [43, с. 197].

Оценка доказательств также выступает составляющей единства трёх элементов доказывания.

Даже в период действия советского уголовно-процессуального законодательства, авторы писали о том, что под таковой понимается «деятельность, осуществляемая в целях определения следователем по своему внутреннему убеждению допустимости, относимости сведений, достоверности, достаточности и значения как каждого отдельно взятого доказательства, так и всей собранной по делу их совокупности» [67, с. 93].

Оценка доказательств – это осуществляемая в логических формах мыслительная деятельность следователя.

Разграничивая проверку и оценку доказательств, А.В. Руденко пишет: «наибольшую сложность представляет разграничение проверки и оценки доказательств. Разграничение этих элементов процесса доказывания возможно только по одному признаку: оценка доказательств - это сугубо мыслительная деятельность, а деятельность по проверке доказательств имеет, наряду с мыслительным, еще и практический аспект. Результаты проверки доказательств подлежат оценке. Подтверждение проверяемых доказательств содержательно происходит в случае получения сведений об обстоятельствах тождественных тем, сведения о которых содержатся в проверяемых доказательствах» [62, с. 15].

По мнению М.С. Строговича, «оценка доказательства заключается в выводе о достоверности или недостоверности доказательства и о доказанности или недоказанности факта, сведения о котором содержатся в данном доказательстве» [68, с. 303].

Думается, что здесь допускается смешение оценки доказательства с оценкой доказанности факта, т.е. с оценкой результатов осуществлённого доказывания.

«Оценка доказательств – это мыслительная деятельность следователя, прокурора и судей, которая состоит в том, что они, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств, определяя их относимость, допустимость, достоверность и достаточность для выводов по делу» [19, с. 428] – считают другие авторы.

С учетом изложенного, под оценкой доказательств можно понимать: «интеллектуальную, основанную на логических приёмах деятельность по установлению возможности использования доказательств для достижения цели доказывания, определению их качественных характеристик, взаимосвязей и значения в контексте доказывания» [10, с. 29].

Также следует отметить, что оценка доказательств по внутреннему убеждению, составляет один из важнейших принципов, определяющих процесс доказывания в современном демократическом уголовном судопроизводстве.

В ст. 17 УПК РФ закреплён основной принцип оценки доказательств:

«1. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

2. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» [71].

Такой подход противостоит теории формальных доказательств.

Также верно указывается в литературе, что «принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, предполагает одновременно, что внутреннее убеждение должно быть основано на подробном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Внутреннее убеждение не есть произвольное мнение тех или иных лиц, его обоснованность должна опираться на материалы дела» [10, с. 29].

Подводя итоги первой главы исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Доказывание, в соответствии с устоявшейся в теории отечественного уголовного процесса концепцией, является важнейшей составляющей уголовно-процессуальной деятельности. Объективное установление и юридическое закрепление сведений о произошедшем в прошлом событии преступления во всех его значимых с точки зрения уголовно-процессуального регулирования аспектах, производится лишь благодаря осуществлению доказывания.

Формулировка цели доказывания вызывала и продолжает вызывать дискуссии, поскольку ещё советские процессуалисты предлагали понимать в качестве таковой достижение объективной истины, что является достаточно идеализированным вариантом для того, чтобы использоваться в качестве

ключевой и главенствующей цели анализируемой процессуальной деятельности. Данное обстоятельство порождает многочисленные дискуссии по данному вопросу.

Безусловно, достижение объективной истины, путём полного и объективного установления обстоятельств уголовного дела представляется в качестве идеального итога доказывания в уголовном процессе, но в реальных условиях такой результат видится фактически недостижимым.

В этой связи специалисты говорят о том, что в ходе доказывания фактически устанавливается истина формальная – как ограниченный вариант истины объективной.

Идеальной видится ситуация совпадение формальной истины с истиной объективной, как категорией, характеризующей полное, объективное и безоговорочное соответствие действительности.

В этой связи, в качестве цели доказывания в уголовном процессе предлагается использовать не категорию «объективная истина» в узком значении полного соответствия реальности, а категорию «истина», имеющую более широкое значение, позволяющее считать, что цель доказывания достигнута, когда все обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, установлены в пределах, которые определены в нормах УПК РФ, как достаточные для вынесения судебного решения по существу дела.

Собирание доказательств, как правило, осуществляется посредством производства следственных действий.

Наряду с производством следственных действий, доказательства могут быть собраны и иными процессуальными способами, в качестве которых в науке называют «истребование» и «представление».

Законодатель не предусматривает каких-то отдельных особенностей истребования и представления доказательств. Есть мнение, что истребование и представление доказательств, как способы собирания доказательств, следует считать иными процессуальными действиями.

Все собранные сведения, потенциально имеющие доказательственное значение, должны быть именно проверены соответствующим субъектом, наделённым правом придать таким сведениям статус уголовно-процессуального доказательства. И только в этом случае, лишь став собранным и проверенным доказательством, данные сведения могут быть оценены.

Говоря о проверке доказательств, важно правильно интерпретировать то, что именно является предметом проверки доказательств, как элемента процесса доказывания. В данном случае правомерно вести речь о проверке сформированных уголовно-процессуальных доказательств.

Под оценкой доказательств можно понимать интеллектуальную, основанную на логических приёмах деятельность по установлению возможности использования доказательств для достижения цели доказывания, определению их качественных характеристик, взаимосвязей и значения в контексте доказывания.

Глава 2 Анализ правовых проблем доказывания в уголовном процессе России

2.1 Проблемы участия адвоката-защитника в доказывании

Возможность полноценного участия адвоката-защитника в доказывании, относительно своего подзащитного, справедливо является одним из обсуждаемых вопросов, связанных с проблематикой доказывания в российском уголовном процессе.

Как пишут отдельные авторы, «участие защитника в процессе доказывания – это, несомненно, и одно из лучших средств защиты прав и законных интересов подзащитного, и одна из гарантий полноты, всесторонности и объективности при установлении обстоятельств совершения конкретного преступления (необходимого, хотя и выведенного за пределы уголовно-процессуального законодательства требования)» [79, с. 56].

«Участие защитника в процессе доказывания не только позволяет данному участнику уголовного судопроизводства быть не декоративной фигурой, призванной создавать видимость наличия гарантий по защите прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), но и обеспечивает ему возможность влияния на процесс доказывания» [38, с. 285] – отмечается другими авторами.

Такое влияние понимается как необходимая составляющая реальной, а не декларативной состязательности, когда в результате процессуального противоборства сторон открывается возможность для максимально объективного и законного рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу судом, занимающим нейтральную позицию независимого арбитра.

Следует признать несостоятельность взглядов на адвоката-защитника, как на лицо, создающее препятствие для достижения истины в процессе доказывания, к которой стремится сторона обвинения. Практика показывает,

что субъекты доказывания стороны обвинения далеко не всегда так объективны, как это предполагает их процессуальная роль.

В одной из своих работ С.А. Шейфер, указывает, что «смысл процессуальной деятельности следователя заключается в объективном и беспристрастном исследовании обстоятельств уголовного дела» [82, с. 51], при этом, «следователь не может не испытывать состояния внутренней раздвоенности, сознавая себя, с одной стороны, субъектом уголовного преследования, обязанным собирать уличающие обвиняемого (подозреваемого) доказательства, а с другой – исследователем, вынужденным опровергать самого себя, устанавливая обстоятельства, несовместимые с обвинением» [83, с. 36].

Но деятельность следователя, равно, как и дознавателя, зачастую имеет сугубо обвинительный уклон, и стремление соответствующего должностного лица к установлению истины нивелируется, сводясь лишь к стремлению обосновать позицию обвинения по делу законными процессуальными средствами, рассматривая попытки стороны защиты представить иной взгляд на картину события преступления как досадную помеху в своей работе.

Однако, именно состязательность и активное участие защитника в доказывании может поспособствовать объективному установлению обстоятельств события преступления, а также создать процессуальные гарантии отсутствия злоупотребления со стороны субъектов стороны обвинения, наделённых властными полномочиями.

В существующем процессуальном регулировании обозначены соответствующие правомочия защитника в анализируемом направлении. В частности, ч. 3 ст. 86 УПК РФ наделяет защитника правами: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц, с их согласия; истребования от государственных органов справок, характеристик и иных документов.

Соответствующее положение сформулировано законодателем в ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [77], в качестве правомочия адвоката.

Подобный инструментарий даёт возможность защитнику, как полноценному процессуальному участнику любой стадии уголовного судопроизводства, принять определённое участие в доказывании, «основанное не на пассивном восприятии собранных следователем доказательств, а позиции критического осмысления того, что уже было собрано следователем, основанную на собственном видении ситуации, которая стала предметом исследования, на тех сведениях, которые оказались у защитника в распоряжении» [88, с. 34].

Тем не менее, данную деятельность некоторые исследователи не считают носящей сугубо процессуальный характер, именуя её предпроцессуальной, «поскольку предметы и документы, о которых идет речь в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, могут стать доказательствами только после того, как следователь или суд примет их и решит приобщить к делу» [21, с. 123].

А.М. Ларин писал: «предпроцессуальной мы называем не облеченную в процессуальную форму деятельность участвующих в деле лиц, направленную на получение информации об обстоятельствах дела для использования ее при процессуальных действиях, а также при принятии решений» [34, с. 84].

Продолжая данную мысль, А.М. Ларин отмечал, что «к предпроцессуальной деятельности защитника следует отнести меры, направленные на выявление возможных свидетелей, поиск документов и предметов, пригодных для использования в качестве доказательств» [36, с. 86].

Данная позиция видится наиболее точно отражающей характер правомочий, которыми наделён защитник в процессе доказывания, с учётом того, что «уголовно-процессуальный закон не содержит правовых норм, устанавливающих процессуальный порядок собирания рассматриваемым субъектом доказательств способами, перечисленными в ч. 3 ст. 86 УПК РФ» [40, с. 126].

Действительно, участие защитника в собирании доказательств ограничено отсутствием у данного участника властных полномочий, что соответствует сути и назначению защитника в уголовном судопроизводстве.

Соответственно, адвокат-защитник, имея возможность собирать сведения, которые потенциально могут стать доказательствами, не вправе в процессуальном смысле их проверить и оценить – данные элементы процесса доказывания относятся к компетенции субъектов, обладающих властными полномочиями, от процессуальных решений которых и зависит переход уголовного дела от стадии к стадии.

Сведения, которые оказались в распоряжении адвоката-защитника могут войти в материалы уголовного дела в качестве полноценного доказательства только если следователь, дознаватель или суд, проверив и оценив таковые, сочтёт, что они являются относимыми и допустимыми.

Отдельные авторы ссылаются на распространённую практику отказа со стороны субъектов обвинения на придание сведениям, исходящим от защитника, статуса доказательства: «в итоге всякая активность защитника может стать неэффективной и бесполезной» [20, с. 16].

«Любая инициатива защитника по приобщению к материалам уголовного дела соответствующих доказательств может быть отвергнута следователем парой-тройкой дежурных фраз, суть которых состоит в том, что предложенные защитником сведения не имеют отношение к расследуемому преступлению. Причем практика показывает, что следователи при этом не утруждают себя тем, чтобы хоть сколько-нибудь обоснованно мотивировать такое свое решение» [6, с. 95] – отмечается в других публикациях.

В связи с чем, наиболее востребованной практикой стала стратегия заявления соответствующих ходатайств защитником не на этапе предварительного расследования, а уже во время рассмотрения уголовного дела судом. Такая практика позволяет рассчитывать на независимую роль суда и объективное разрешение ходатайства о включении в доказательственную базу уголовного дела сведений, исходящих от адвоката-защитника.

Однако, процессуальная активность защитника, как уже было отмечено, является одной из важных гарантий объективности результатов доказывания и законности при производстве по делу.

«Данные процедуры, являются по своей сути механизмом, гарантирующим от возможного произвола со стороны следователя. Кроме того, они призваны обеспечить всесторонность в установлении обстоятельств совершения конкретного преступления» [55, с. 49] – пишет Н.А. Подольный.

В литературе выделяется и обратный аспект проблемы участия защитника в доказывании – в виде злоупотребления своими правами.

«Недобросовестные защитники принимают во внимание вполне определенные особенности (часто эмоционального плана) конкретного следователя и стремятся его вывести из состояния эмоционального равновесия с тем, чтобы он совершил ошибки, которые можно было бы использовать для того, чтобы сделать невозможным последующее установление отдельных обстоятельств совершенного преступления. Но, бывает, имеет место и несколько иная схема деятельности недобросовестных защитников, которые, злоупотребляя своим правом, стремятся навязать следователю свою логику, использование которой не только не будет способствовать установлению истины по делу, но и уведет проводимое расследование далеко в сторону, настолько, что будет упущено много времени, которое было бы необходимо для выявления и установления фактов и обстоятельств, действительно имевших место в прошлом, при совершении конкретного преступления» [11, с. 25] – пишет Ю.П. Гармаев.

Как представляется, подобные ситуации являются крайностями, выходящими за рамки нормальных процессуальных взаимодействий между стороной обвинения и стороной защиты, основанных на процессуальном равноправии сторон, состязательности и презумпции невиновности.

Следователю во всех случаях, стоит исходить из презумпции добропорядочности защитника как субъекта, играющего важную роль в обеспечении реализации конституционно-правовых гарантий прав и свобод

личности в уголовном судопроизводстве, а также субъекта, который может оказать помощь в достижении назначения уголовного судопроизводства.

Участие защитника может помочь избежать формирования обвинительного уклона в работе следователя, который, как верно отмечают в науке, «часто наносит непоправимый вред всесторонности, полноте и объективности проводимого предварительного расследования. Более того, принятие во внимание отдельных ходатайств со стороны защиты относительно приобщения к материалам уголовного дела отдельных доказательств может оказать существенную помощь в решении отдельных задач в ходе проводимого расследования» [40, с. 126].

Расширение возможностей и условий для участия защитника в доказывании способно повысить качество доказывания в целом, а также в большей мере объективизировать его результаты. В этой связи, как представляется, существующее уголовно-процессуальное регулирование нуждается в усилении гарантий активного участия в доказательственной деятельности адвоката-защитника.

Различные авторы предлагают свои варианты решения обозначенной проблемы. Например, отдельными исследователями предлагается нейтрализовать препятствия в участии адвоката-защитника в доказывании посредством обязывания должностного лица стороны обвинения «приобщать к материалам уголовного дела фактически любые сведения, полученные адвокатом, с последующей их оценкой судом при рассмотрении уголовного дела по существу» [18, с. 56].

Как в этой связи отмечается авторами, «вполне очевидно, что подобного рода ходатайства являются результатом достаточно сложной деятельности защитника и не могут рассматриваться в качестве гипотетических измышлений, с помощью которых делается попытка отвлечь следователя от правильной линии расследования» [8, с. 48].

Однако, «очевидность», о которой пишут авторы может быть очень субъективной. Такой путь не является оптимальным, ввиду того, что

обозначенный подход основан на обратной крайности – игнорировании внутреннего убеждения должностного лица, осуществляющего расследование преступления.

По мнению А.А. Давлетова, «в УПК РФ целесообразно уточнить процессуальное условие осуществления следователем права отказывать защитнику в удовлетворении анализируемого ходатайства – только с согласия руководителя следственного органа. По аналогии дознаватель – с согласия прокурора» [14, с. 36].

Но данный подход также видится достаточно ущербным, так как создаёт слабо обоснованное с научной и практической точки зрения ограничение процессуальной самостоятельности лица, осуществляющего расследование в рамках производства по уголовному делу.

Оптимальным видится введение в досудебное производство института «защитительного заключения». Данный процессуальный институт мог бы создать дополнительные гарантии защиты лица, на которое направлено уголовное преследование, способствовать систематизации сведений защитника, потенциально имеющих значение для хода и результатов производства по уголовному делу, а также способствовать выработке и формулированию стороной защиты чёткой позиции по делу.

Данное заключение может направляться адвокатом-защитником непосредственно в суд и таким образом можно было бы создать предпосылки для повышения эффективности доказывания по уголовным делам.

2.2 Проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности

Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в доказывании являются одними из самых обсуждаемых, что предопределяется той значимой ролью, что играют результаты ОРД в

«правовом механизме противодействия преступности в ее наиболее опасных и замаскированных проявлениях» [86, с. 7].

Доказательства и результаты ОРД являются во многом сходными правовыми явлениями, что и обуславливает многочисленные сложности теоретического и практического порядка.

В соответствии с п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, результаты оперативно-розыскной деятельности – сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [75] (Закон об ОРД), о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

В то время как доказательствами по уголовному делу, в соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

И в правовом регулировании, и в науке обозначено ключевое различие между доказательствами и результатами ОРД, предполагающее невозможность их отождествления друг с другом.

Как верно пишет Ф.М. Лучинкин, «в современной теории уголовно-процессуальных доказательств отсутствует единство по вопросам о доказательственном значении результатов ОРД, критериях их отличия от «настоящих» уголовно-процессуальных доказательств» [37, с. 6].

Законодатель не разрешил существующую проблему, несмотря на включение в главу 11 УПК РФ отдельной нормы, посвящённой данному вопросу. В ст. 89 УПК РФ «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» указано: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности,

если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

Подобная краткость не позволяет однозначно определить возможность использования результатов ОРД в доказывании, что порождает разные подходы и толкования.

Отдельные авторы считают, что «сегодня назрела необходимость совершенствование самой процедуры приобщения информации полученной в ходе проведения ОРД в уголовное судопроизводство» [12, с. 352], другие специалисты, например, Е.А. Доля, считают, что «результаты ОРД не могут и не должны рассматриваться как доказательства даже после проверки уголовно-процессуальными методами, ибо проверяются сами доказательства, а не результаты ОРД. Результаты ОРД и доказательства различаются по источнику, содержанию, методам получения. Источники ОРД – это уполномоченные законом субъекты, а источники доказательств – лица, имеющие определенный процессуальный статус; содержание оперативно-розыскных данных шире, чем содержание доказательств по уголовному делу; методы собирания оперативной информации – ОРМ, а методы собирания доказательств – следственные и судебные действия» [15, с. 39].

Однако, такая категоричность не соответствует общему смыслу действующего законодательства и реалиям правоприменительной практики.

Запрет на использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам не установлен – напротив, такая возможность, как уже было отмечено выше, предусмотрена ст. 89 УПК РФ – только эта возможность предопределена условием соответствия требованиям, обозначенным в УПК РФ и остаётся довольно абстрактной, что и влечёт неоднозначные подходы в правоприменении.

Как констатирует Р.Е. Савонюк, «проблема заключается в том, что в действующем УПК РФ не содержится порядок (процедура) использования результатов ОРД в доказывании» [63, с. 123].

Применительно к отдельным результатам ОРД их использование в доказывании находит своё положительное отражение в судебной практике [58], но есть и обратные ситуации, когда в доказывание вовлекаются результаты ОРД не соответствующие требованиям, предъявляемым к доказательствам, что влечёт нарушение прав и свобод личности.

Так 07.02.2018 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в одном из Кассационных определений указала, что Верховный суд Республики Бурятия «в приговоре необоснованно сослался на результаты бесед, проведенных 22 декабря 2006 г. оперуполномоченным уголовного розыска с З. и П., с использованием скрытой видеозаписи... поскольку такие беседы не относятся к числу доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ. При проведении данных оперативно-розыскных мероприятий в отношении З. и П., было нарушено их право на защиту, которые к тому времени являлись подозреваемыми по делу и дали показания следователю в этом качестве на допросах» [24].

Судебной коллегией было принято решение «об исключении из приговора результатов таких бесед, как недопустимых доказательств, поскольку опрос с применением видеозаписи, в отношении лиц, обладающих процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, должен производиться с разъяснением им прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, в том числе права не свидетельствовать против самих себя, отказаться от дачи показаний, пользоваться услугами адвоката» [24].

В рассматриваемой ситуации имело место нарушение прав данных лиц на защиту, что не может не повлечь соответствующие правовые последствия.

Порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности, включая сферу уголовного судопроизводства, определен в ст. 11 Закона об ОРД, а также межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27.09.2013 г. [59]/

Казалось бы, результат вышеназванного ОРД получен в строгом соответствии с Законом об ОРД, что формально делает его допустимым доказательством, но при этом, данный довод вступает в противоречие с текстом ст. 89 УПК РФ, где законодатель подчёркивает ключевую составляющую, влияющую на возможность использования результата ОРД в доказывании – он должен отвечать «требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

Как совершенно верно указывается в Определении Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 1507-О, нормы Закона об ОРД «не регламентируют уголовно-процессуальные правоотношения, а потому и отношения, связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств» [50].

Кроме того, проведение негласного оперативно-розыскного мероприятия – опроса подозреваемого, обвиняемого «без учета особенностей его правового положения, в том числе вытекающих из предписаний статей 48, 49 и 51 Конституции Российской Федерации», противоречит требованиям названных статей, умаляет «достоинство личности как основу признания и уважения ее прав и свобод (часть 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации)» [45].

В Определении Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 г. № 473-О указано, что с того момента, «когда выступающее в официальном качестве должностное лицо в ходе оперативно-розыскного мероприятия, осуществляемого в отношении гражданина, чьи конституционные права на свободу, личную неприкосновенность и свободу передвижения реально ограничены... проводит его опрос, направленный на выявление фактов и обстоятельств, уличающих данного гражданина в совершении преступления... в отношении его подлежат непосредственному действию нормы Конституции Российской Федерации, обеспечивающие в том числе предоставление квалифицированной юридической помощи (статья 48) и право не свидетельствовать против себя самого (часть 1 статьи 51)» [47].

Более того, в указанном Определении Конституционный Суд РФ отмечает, что «по буквальному смыслу приведенных положений Конституции Российской Федерации указанные конституционные права, включая право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката (защитника), гарантируются независимо от формального процессуального статуса лица, если управомоченными органами власти в отношении его предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, - удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие бы то ни было иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность» [47].

В Определении Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О констатируется следующее: «Право на получение квалифицированной юридической помощи адвоката гарантируется любому лицу, в отношении которого осуществляется деятельность, направленная на выявление фактов и обстоятельств, уличающих его в подготовке или совершении преступления, а значит, лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением его в причастности к подготовке или совершению преступления» [46].

Таким образом, можно сделать закономерный вывод о том, что уголовно-процессуальная деятельность и ОРД находятся в тесной связи между собой, обусловленной единством цели и общностью решаемых задач по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Однако при проведении негласного ОРД, как в описанной ситуации, объективно невозможно обеспечить лицу реализацию его законных прав, что создаёт непреодолимое препятствие в использовании полученного результата ОРД в доказывании в качестве допустимого доказательства.

В подобных случаях значение результата ОРД может ограничиваться лишь возможностью использования в качестве информации для выдвижения версий, планирования расследования и т.д.

Учитывая значительное внимание, уделяемое анализируемому кругу вопросов в науке уголовного процесса, а также пробельностью регулирования в рамках действующего УПК РФ, можно согласиться с утверждением о том, что «регулирование использования результатов ОРД в доказывании необходимо совершенствовать, чтобы, с одной стороны, создать разумные препятствия для использования в доказывании недопустимых по своей форме сведений, полученных непроцессуальным путём» [63, с. 125].

С другой стороны, это может позволить в необходимых случаях использовать результаты ОРД, руководствуясь идеями защиты прав и свобод личности и достижения назначения уголовного судопроизводства.

Как представляется, в качестве варианта решения сложившейся проблемы, можно предложить внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, дополнив её новым п. 7, включающим в себя новый вид доказательства в виде результатов оперативно-розыскной деятельности, а также внести изменения в ст. 89 УПК РФ, представив её в следующем виде: «1. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы в доказывании лишь по решению следователя, дознавателя или суда (судьи). 2. Представляемые результаты оперативно-розыскной деятельности для использования в качестве доказательств в процессе доказывания должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности. 3. В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если по форме и (или) содержанию не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

В данной редакции ст. 89 УПК РФ могла бы создать необходимый ориентир для использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, сохраняя баланс между потребностью практики и

необходимостью гарантировать права и свободы личности, вовлечённой в уголовное судопроизводство.

Подводя итоги второй главы исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Говоря о проблемах участия адвоката-защитника в доказывании, следует признать несостоятельность взглядов на адвоката-защитника, как на лицо, создающее препятствие для достижения истины в процессе доказывания, к которой стремится сторона обвинения. Практика показывает, что субъекты доказывания стороны обвинения далеко не всегда так объективны, как это предполагает их процессуальная роль.

Именно состязательность и активное участие защитника в доказывании может способствовать объективному установлению обстоятельств события преступления, а также создать процессуальные гарантии отсутствия злоупотребления со стороны субъектов стороны обвинения, наделённых властными полномочиями.

Участие защитника в собирании доказательств ограничено отсутствием у данного участника властных полномочий, что соответствует сути и назначению защитника в уголовном судопроизводстве.

Адвокат-защитник, имея возможность собирать сведения, которые потенциально могут стать доказательствами, не вправе в процессуальном смысле их проверить и оценить – данные элементы процесса доказывания относятся к компетенции субъектов, обладающих властными полномочиями, от процессуальных решений которых и зависит переход уголовного дела от стадии к стадии.

Расширение возможностей и условий для участия защитника в доказывании способно повысить качество доказывания в целом, а также в большей мере объективизировать его результаты. В этой связи, как представляется, существующее уголовно-процессуальное регулирование нуждается в усилении гарантий активного участия в доказательственной деятельности адвоката-защитника.

Оптимальным видится введение в досудебное производство института «защитительного заключения», которое выступало бы «противовесом» заключению стороны обвинения, которое обобщает в себе проделанную на этапе предварительного расследования работу по доказыванию (обвинительное заключение, обвинительный акт, или обвинительное постановление).

Данный процессуальный институт мог бы создать дополнительные гарантии защиты лица, на которое направлено уголовное преследование, способствовать систематизации сведений защитника, потенциально имеющих значение для хода и результатов производства по уголовному делу, а также способствовать выработке и формулированию стороной защиты чёткой позиции по делу.

Данное заключение может направляться адвокатом-защитником непосредственно в суд и таким образом можно было бы создать предпосылки для повышения эффективности доказывания по уголовным делам, основанные на состязательном подходе, предполагающем хоть и опосредованное, но активное и целенаправленное включение адвоката-защитника в процесс доказывания.

Проблемы использования результатов ОРД в доказывании являются одними из самых обсуждаемых, в связи с тем, что существующее уголовно-процессуальное регулирование не позволяет однозначно определить возможность использования результатов ОРД в доказывании, что порождает разные подходы и толкования.

Запрет на использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам не установлен – напротив, такая возможность предусмотрена ст. 89 УПК РФ – только эта возможность предопределена условием соответствия требованиям, обозначенным в УПК РФ и остаётся довольно абстрактной.

Учитывая значительное внимание, уделяемое анализируемому кругу вопросов в науке уголовного процесса, а также пробельностью регулирования в рамках действующего УПК РФ, можно утверждать, что регулирование

использования результатов ОРД в доказывании необходимо совершенствовать. Это может позволить в необходимых случаях использовать результаты ОРД, руководствуясь идеями защиты прав и свобод личности и достижения назначения уголовного судопроизводства.

Как представляется, в качестве варианта решения сложившейся проблемы, можно предложить внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, дополнив её новым п. 7, включающим в себя новый вид доказательства в виде результатов оперативно-розыскной деятельности, а также внести изменения в ст. 89 УПК РФ, детализирующие использование результатов ОРД в рамках уголовного судопроизводства.

В новой редакции ст. 89 УПК РФ могла бы создать необходимый ориентир для использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, сохраняя баланс между потребностью практики и необходимостью гарантировать права и свободы личности, вовлечённой в уголовное судопроизводство.

Глава 3 Анализ нравственных проблем доказывания в уголовном процессе России

3.1 Понятие и содержание нравственных основ доказывания в уголовном процессе России

Доказывание в российском уголовном судопроизводстве в первую очередь характеризуется в науке и практике с позиции нормативного регулирования, поскольку основной и первичной составляющей доказывания является именно нормативный аспект. Но помимо процессуальной составляющей данной деятельности можно выделить её нравственный аспект.

Нравственность, понимается, как «правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе» [44, с. 360].

С данной категорией неразрывно связана категория – «мораль», определяемая как «правила нравственности, а также сама нравственность» [44, с. 310], «система принципов и норм, определяющих характер взаимоотношений между людьми в соответствии с принятыми в данном обществе понятиями о добре и зле, справедливом и несправедливом, достойном и недостойном» [27, с. 1] и т.д.

Наряду с категориями «мораль» и «нравственность», также используется категория «этика», которая была введена в Аристотелем, много столетий назад, как определение «учения о добродетели». В основном, данные категории используются как смежные, близкие по смыслу и содержанию.

Равно, как и правовое регулирование, регулирование посредством норм морали также имеет место в обществе, распространяясь на все аспекты его жизнедеятельности.

Мораль и право тесно взаимодействуют друг с другом. Именно мораль выступает основой для создания правовых предписаний и нормативного

регулируемого в целом, включая регулирование в сфере уголовно-процессуальных отношений.

Как верно отмечается специалистами, «мораль и право – необходимые, взаимосвязанные и взаимопроникающие системы регуляции общественной жизни. Они возникают в силу потребности обеспечить функционирование общества путём согласования различных интересов, подчинения людей определённым правилам» [27, с. 8].

Право, априори, имеет в своей основе нравственные нормы. То есть, мораль первична, а право – вторично. Исходя из этого правовое регулирование не может (и не должно быть) безнравственным.

Нормативное регулирование должно соответствовать принятым в обществе представлениям нравственного плана. Только тогда такие нормы могут обоснованно претендовать на общеобязательность и обеспечиваться возможностью осуществления со стороны государства принуждения.

«Уголовное судопроизводство отличается наличием серьезной репрессивной направленности в деятельности государственных органов при производстве по уголовному делу. Это предопределяет сопряженность такой деятельности с существенным вторжением в область прав и свобод личности, а нередко и с вынужденным их ограничением» [89, с. 123] – отмечается И.А. Яшиной.

Как представляется, уголовно-процессуальная деятельность, в рамках которой государственное принуждение реализуется максимально активно, в первую очередь должна соответствовать нравственным основам. Чем больше влияние государства на личность, чем больше средств принуждения в «арсенале» должностных лиц и органов государства, тем больше роль нравственной составляющей, лежащей в нормативной основе такой деятельности.

Как верно указывается в литературе, «чем больше то влияние, которое оказывают соответствующие правовые предписания на важнейшие

социальные ценности, тем важнее морально-этические основы таких предписаний» [22, с. 9].

В условиях столкновения интересов личности, вовлечённой в уголовно-процессуальную деятельность и государства, которое берёт на себя обязательства по защите наиболее важных общественных отношений от противоправных действий, на передний план выступает ряд нравственных требований.

Основной способ собирания доказательств, как уже было отмечено ранее – это производство следственных действий, предусмотренных УПК РФ. При этом, в большинстве случаев, при производстве следственных действий государство активно вторгается в сферу конституционно-правовой защиты прав и свобод личности.

Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности, как обязательные моральные требования, имеют нормативное закрепление – в противном случае, они бы не имели государственно-властной поддержки и обеспечивались субъектами доказывания, обладающими властными полномочиями, только на добровольной основе в силу самодисциплины и личных представлений о нравственности.

Данные положения, в первую очередь, находят своё отражение в нормах-принципах, определяющих содержание и направленность уголовно-процессуальной деятельности в целом.

Так как, в соответствии с ч. 1 ст. 1 УПК РФ «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации», нравственные основы доказывания содержатся в Конституции РФ, а также УПК РФ.

В ряде норм-принципов уголовного судопроизводства, обозначенных законодателем в главе 2 УПК РФ, содержатся нравственные положения, которые мы можем с уверенностью считать нравственными основами доказывания.

Как верно указывает в связи с этим Н.А. Подольный, «система принципов уголовного судопроизводства отображает представления общества и о справедливости, и о нравственности» [54, с. 432].

При этом, нравственные основы доказывания выходят за пределы норм-принципов главы 2 УПК РФ, будучи включёнными в содержание широкого спектра уголовно-процессуальных норм, регламентирующих отдельные аспекты доказывания – в первую очередь, собрания доказательств.

Таким образом, нормативное закрепление нравственных основ доказывания произведено законодателем на двух уровнях процессуальных норм:

- Нормы-принципы уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ);
- Нормы, регулирующие отдельные аспекты доказывания (нормы части 1 и 2 УПК РФ).

К первой из обозначенных выше категорий можно отнести следующие нормы-принципы: законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ); уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ); неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ).

Данные нормы-принципы включают в себя наиболее общие, базовые нравственные основы, которые в дальнейшем уточняются во второй категории нравственных основ – нормах, регулирующих отдельные аспекты доказывания.

Вторая группа норм, о которой идёт речь, имеет более узкое содержание и направлена на уточнение с точки зрения нравственного содержания конкретных процессуальных процедур, связанных с осуществлением доказывания.

Далее, рассмотрим и охарактеризуем проблемы соблюдения отдельных этических требований, закреплённых в уголовно-процессуальном законодательстве, определяющих нравственный аспект доказывания.

3.2 Проблемы соблюдения нравственных требований при доказывании в уголовном процессе России

В числе общих требований, направленных на обеспечение нравственного содержания уголовно-процессуальной деятельности, связанной с доказыванием, можно назвать отдельные положения главы 22 УПК РФ «Предварительное следствие».

Данные нормы, как верно отмечается исследователями, «определяют наиболее общие аспекты производства следственных действий и содержат в себе, помимо гарантий защиты прав и законных интересов личности, вовлечённой в уголовно-процессуальные правоотношения, требования этического характера, направленные на обеспечение осуществления уголовно-процессуальной деятельности, в контексте доказывания на этапе предварительного расследования, в рамках нравственных представлений, существующих в цивилизованном демократическом обществе» [22, с. 61].

К числу таких положений имеет отношение ст. 164 УПК РФ: запрет на производство следственных действий в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ) и недопустимость применения насилия, угроз и иных незаконных мер при производстве следственных действий, а равно создания опасности для жизни и здоровья лиц, участников следственных действий.

Относительно первого нравственного требования следует отметить, что ночным временем считается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени, в течение которого каждому предоставлена возможность отдыха и восстановления сил.

В связи с этим, законодатель допускает ограничение указанного выше общего правила лишь в случаях, которые не терпят отлагательства.

Данное положение неоднократно являлось предметом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав граждан: Определение Конституционного Суда РФ от

29.09.2015 г. № 1996-О [52]; Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 2756-О [49]; Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 г. № 3356-О [48] и т.д.

Однако, во всех случаях Конституционный Суд РФ ответил отказом в принятии к рассмотрению такой жалобы, указывая, что данное положение УПК РФ не может рассматриваться, как нарушающее права заявителя.

Более того, «данная норма применяется с учетом обстоятельств конкретного дела, носит гарантийный характер, направлена на обеспечение прав граждан в сфере уголовного судопроизводства» [53].

«Оценка ситуации с этой точки зрения в каждом конкретном случае производится тем должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, под свою личную ответственность, исходя исключительно из интересов дела и остроты самого следственного действия. Так, например, безотлагательный ночной осмотр места происшествия – явление, широко распространенное в следственной практике» [3, с. 59] – пишет в своей работе Б.Т. Безлепкин.

«К случаям, не терпящим отлагательства, следует относить необходимость осмотра места происшествия, неотложного производства обыска и иных следственных действий, промедление с производством которых может повлечь невозможную утрату или искажения доказательственной информации по естественным причинам или в результате направленных на то умышленных действий заинтересованных в определенном исходе дела лиц» [2, с. 15] – считают О.Я. Баев и Д.А. Солодов.

Следует также согласиться с мнением П.С. Ефимичева и С.П. Ефимичева, которые полагают, что «к случаям, не терпящим отлагательства, также вполне можно отнести ситуации, при которых промедление создаст угрозу наступления отрицательных последствий, утраты доказательств, продолжения преступных действий, укрытия преступников и т.д.» [17, с. 25].

В ч. 4 ст. 164 УПК РФ, содержится запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер при производстве следственных действий, который обозначен как запрет безусловный, не предполагающий каких-либо исключений.

В частности, не исполнение данного требования следователем может квалифицироваться в качестве преступления по ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации [72] (УК РФ) «Принуждение к даче показаний».

«Отягчающим обстоятельством, влекущим квалификацию преступления по ч. 2 ст. 302 УК РФ, является принуждение, посредством применения насилия, или издевательства, а особо отягчающим обстоятельством выступает совершение данного преступления с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ). Под насилием понимается применение физической силы путем нанесения как разовых ударов, так и побоев, причинения физической боли. Как издевательство должны квалифицироваться выраженные как в вербальной, так и в физической форме глумление над человеком, унижение его достоинства, оскорбление (обзывание нецензурными словами, раздевание, совершение непристойных манипуляций)» [28, с. 95] – отмечается в одном из комментариев к действующему УК РФ.

Данное нарушение, относительно результатов доказывания, неизбежно приводит к тому, что полученные противоправным путём доказательства в виде показаний участника уголовного судопроизводства, или заключения эксперта или специалиста, становятся недопустимыми – а использование таковых в доказывании при производстве по уголовному делу исключается, в соответствии с положениями ст. 75 УПК РФ.

Второй запрет, упомянутый законодателем в ч. 4 ст. 164 УПК РФ относительно производства следственных действий – это «создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц».

Под такой опасностью понимается опасность «конкретная и реальная (например, повышенный радиационный фон приводит к получению опасной

для здоровья дозы облучения, возможность взрыва при осмотре боеприпасов и т.п.). Наличие такой опасности исключает участие понятых даже при их добровольном желании и готовности участвовать в следственном действии. Однако данная процессуальная норма допускает профессиональный риск самого следователя, работника органа дознания» [66, с. 130].

Отдельные учёные констатируют, что «общие правила производства следственных действий по какой-то причине не содержат требований, направленных на обеспечение сохранности имущества участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц при производстве следственных действий, что по своей сути является естественным этическим требованием, обусловленным уважением к праву частной собственности граждан» [22, с. 66].

Такое требование законодатель обозначил только относительно производства обыска: «При производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть. При этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества» (ч. 6 ст. 182 УПК РФ).

Однако, подобный вред может быть сопряжен и с производством многих других следственных действий по грубой неосторожности или даже умышленно участниками следственного действия, реализующими государственно-властные полномочия.

Следует согласиться с высказываемым в науке предложением [22] закрепления общего нравственного предписания такого плана, применительно к любому следственному действию в рамках ч. 4.2 ст. 164 УПК РФ.

Данная норма может быть сформулирована следующим образом: «При производстве следственных действий недопустимо не вызываемое необходимостью повреждение имущества».

При этом, с учётом формулирования общей нормы, распространяемой на любое следственное действие, соответствующий оборот «при этом не

должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества» может быть исключён из текста ч. 6 ст. 182 УПК РФ.

Говоря о проблемах реализации нравственных основ производства конкретных следственных действий, направленных на соби́рание доказательств, следует упомянуть производство обыска. В ч. 7 ст. 182 УПК РФ, регламентирующей производство данного следственного действия, содержится следующее нравственное предписание: «Следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц».

Как следует из текста ч. 2 ст. 183 УПК РФ, данное требование также распространяется и на производство выемки, поскольку ст. 183 УПК РФ не содержит какого-либо изъятия по данному вопросу.

Исходя из правовой позиции, выраженной Конституционным Судом РФ, в одном из Определений, «в понятие частная жизнь включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер» [51].

Отдельные исследователи пишут о том, что «вторжение должностных лиц и иных участников производства следственного действия (специалистов-криминалистов, понятых и т.д.) в личное пространство других людей (включая тех, на кого не направлено уголовное преследование), создаёт нравственный императив в виде обязанности сохранить информацию о частной жизни данных лиц в тайне» [54, с. 430].

Важность данного аспекта предопределила создание соответствующего запрета в УПК РФ.

Но закрепление данного требования лишь применительно к обыску и выемке является лишь частичным решением проблемы обеспечения

сохранения тайны частной жизни при осуществлении собирания доказательств.

Дело в том, что участники производства иных следственных действий вполне могут невольно, или намеренно, получить определённые сведения, составляющие такую тайну и распорядиться ими по своему усмотрению, преступив моральный запрет.

Поэтому данное нравственное требование следует распространить на любое следственное действие, включив в текст ст. 164 УПК РФ ч. 4.3 следующего содержания: «Следователь принимает меры для неразглашения ставших известными при производстве следственных действий обстоятельств частной жизни лиц, участвующих в них, а также иных лиц, их личной или семейной тайны».

Подобное предложение следует реализовать, с учётом того, что аналогичные мнения звучат в уголовно-процессуальной науке [22, с. 67].

Сформулировав подобное требование общего плана, можно будет более полно обеспечить сохранность тайны частной жизни, имея возможность применить предупреждение о неразглашении данных предварительного расследования в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. Такой механизм предполагает возможность привлечь нарушившего запрет лица, к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Ряд нравственных требований содержат уголовно-процессуальные нормы, касающиеся производства допроса.

В частности, как указывается в комментариях, «ч. 4 ст. 56 УПК РФ предусматривает право свидетеля отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, имеющее важное нравственное содержание, продиктованное чувством самосохранения, а также чувством любви к самым близким людям. Требовать от кого-либо в императивном порядке свидетельствовать во вред себе, или своим близким, было бы безнравственным» [32, с. 379].

Также определённое нравственное требование включено законодателем в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, в соответствии с которым не подлежит допросу в качестве свидетеля священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди. Данное положение УПК РФ также носит ярко выраженный нравственно-этический характер.

С данным положением УПК РФ пересекается Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [76], в соответствии с которым: «тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему из исповеди» (ч. 7 ст. 3).

А.В. Пчелинцев пишет: «такого рода тайна носит относительно абсолютный характер и при необходимости может быть нарушена при возникновении опасности фундаментальным ценностям человечества» [60, с. 58].

В науке исследователи задаются вопросами: «в каких случаях и какие именно представители религиозных организаций могут отказаться давать свидетельские показания? Допустим ли допрос священнослужителя в том случае, если он сам желает дать свидетельские показания?» [22, с. 81]

Важно заметить, что 29.06.2004 г. Конституционный Суд РФ в постановлении № 13-П указал, что из Конституции РФ и УПК РФ «не следует, что запрет обязывать лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, давать показания относительно обстоятельств досудебного производства исключает право такого лица дать соответствующие показания в случае, если оно согласно на это, при условии, что ему как свидетелю разъясняется возможность использования показаний в качестве доказательств по уголовному делу» [56].

Сказанное приводит к уверенности в том, что священнослужитель вправе дать показания, нарушающие тайну исповеди, но только в случае

добровольного волеизъявления, не предполагающего принуждение со стороны должностных лиц государства.

Как отмечает в своей работе Д.В. Кузнецов, «в настоящее время законодательное закрепление свидетельского иммунитета священнослужителя на практике воспринимается несколько формально. Вышеизложенные положения связаны с религиозными культурами, которые в России являются доминирующими. В то же время не следует забывать, что в рамках современных тенденций развития российского государства на территории нашей страны стало появляться все больше представителей нетипичных для российской общественности религиозных культов. Вопрос, каким образом будут рассматриваться их учения об исповеди в случае применения к ним правовых механизмов, связанных с защитой тайны исповеди, на практике зачастую зависит от религиозных познаний правоприменителя (дознавателя, следователя)» [32, с. 378].

Н.Ю. Волосова предлагает дополнить п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ уточнением: «Священнослужитель религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди или обрядов, схожих с покаянием» [9, с. 91], – предоставив рассматриваемый иммунитет сотрудникам всех официальных религиозных организаций, а не только определённой категории священнослужителей. Такой вариант совершенствования регулирования регламентации нравственных сторон допроса видится целесообразным.

Подводя итоги третьей главы исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Доказывание, выступая важнейшей составляющей уголовно-процессуальной деятельности, безусловно, имеет в своей основе положения морали, обеспечивающие осуществление доказывания в соответствии с общими представлениями о нравственности.

Данные моральные требования имеют нормативное закрепление – в противном случае, они бы не имели государственно-властной поддержки и

обеспечивались субъектами доказывания, обладающими властными полномочиями, только на добровольной основе в силу самодисциплины и личных представлений о нравственности.

Нормативное закрепление нравственных основ доказывания произведено законодателем на двух уровнях процессуальных норм:

- Нормы-принципы уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ);
- Нормы, регулирующие отдельные аспекты доказывания (нормы части 1 и 2 УПК РФ).

К первой из обозначенных выше категорий можно отнести следующие нормы-принципы: законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ); уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ); неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ).

Данные нормы-принципы включают в себя наиболее общие, базовые нравственные основы, которые в дальнейшем уточняются во второй категории нравственных основ – нормах, регулирующих отдельные аспекты доказывания. Вторая группа норм, о которой идёт речь, имеет более узкое содержание и направлена на уточнение с точки зрения нравственного содержания конкретных процессуальных процедур, связанных с осуществлением доказывания.

В числе общих требований, направленных на обеспечение нравственного содержания уголовно-процессуальной деятельности, связанной с доказыванием, можно назвать отдельные положения главы 22 УПК РФ «Предварительное следствие». Именно с содержанием данных норм связан ряд проблем, касающихся соблюдения нравственных требований в процессе доказывания. Тезисно обозначим ряд предложений, связанных с совершенствованием регулирования в указанном направлении.

Следует поддержать высказанные в науке предложения по включению в ст. 164 УПК РФ общего нравственного требования, ориентированного на

производство любого следственного действия, направленного на обеспечение сохранности имущества граждан, по аналогии с положением ч. 6 ст. 182 УПК РФ, которое касается только обыска.

Таким образом, можно сформулировать ч. 4.2 ст. 164 УПК РФ следующего содержания: «При производстве следственных действий недопустимо не вызываемое необходимостью повреждение имущества».

Также, в целях наиболее полного обеспечения сохранности тайны частной жизни при осуществлении собирания доказательств в текст ст. 164 УПК РФ следует включить ч. 4.3 следующего содержания: «Следователь принимает меры для неразглашения ставших известными при производстве следственных действий обстоятельств частной жизни лиц, участвующих в них, а также иных лиц, их личной или семейной тайны».

В настоящее время такая гарантия содержится лишь в ст. 182 УПК РФ, но участники производства любого другого следственного действия вполне могут невольно, или намеренно, получить определённые сведения, составляющие такую тайну и распорядиться ими по своему усмотрению, преступив моральный запрет. Поэтому данное нравственное требование следует распространить на любое следственное действие.

Что касается нравственного положения, обеспечивающего тайну исповеди, в рамках установления свидетельского иммунитета в отношении священнослужителя, обозначенного в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, следует сделать однозначный вывод о том, что священнослужитель вправе дать показания, нарушающие тайну исповеди, но только добровольно.

В целях совершенствования существующей регламентации стоит дополнить п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ уточнением: «Священнослужитель религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди или обрядов, схожих с покаянием».

Заключение

В заключении работы сформулируем ключевые выводы, связанные с проблемной сферой темы исследования, посвящённого процессуальным и нравственным основам доказывания.

Доказывание, в соответствии с устоявшейся в теории отечественного уголовного процесса концепцией, является важнейшей составляющей уголовно-процессуальной деятельности. Объективное установление и юридическое закрепление сведений о произошедшем в прошлом событии преступления во всех его значимых с точки зрения уголовно-процессуального регулирования аспектах, производится лишь благодаря осуществлению доказывания.

Формулировка цели доказывания вызывала и продолжает вызывать дискуссии, поскольку ещё советские процессуалисты предлагали понимать в качестве таковой достижение объективной истины.

Тем не менее, вопрос возможности достижения объективной истины в ходе доказывания, не находит однозначное понимание.

Безусловно, достижение объективной истины, путём полного и объективного установления обстоятельств уголовного дела представляется в качестве идеального итога доказывания в уголовном процессе, но в реальных условиях такой результат видится фактически недостижимым.

В этой связи специалисты говорят о том, что в ходе доказывания фактически устанавливается истина формальная – как ограниченный вариант истины объективной.

Идеальной видится ситуация совпадения формальной истины с истиной объективной, как категорией, характеризующей полное, объективное и безоговорочное соответствие действительности.

В этой связи, в качестве цели доказывания в уголовном процессе предлагается использовать не категорию «объективная истина» в узком значении полного соответствия реальности, а категорию «истина», имеющую

более широкое значение, позволяющее считать, что цель доказывания достигнута, когда все обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, установлены в пределах, которые определены в нормах УПК РФ, как достаточные для вынесения судебного решения по существу дела.

Содержание доказывания является уголовно-процессуальной деятельностью, связанная с собиранием, проверкой и оценкой доказательств.

Собирание доказательств, как правило, осуществляется посредством производства следственных действий.

Наряду с производством следственных действий, доказательства могут быть собраны и иными способами, в качестве которых в науке называют «истребование» и «представление».

Законодатель не предусматривает каких-то отдельных особенностей истребования и представления доказательств. Есть мнение, что истребование и представление доказательств, как способы собирания доказательств, следует считать иными процессуальными действиями.

Все собранные сведения, потенциально имеющие доказательственное значение, должны быть именно проверены соответствующим субъектом, наделённым правом придать таким сведениям статус уголовно-процессуального доказательства. И только в этом случае, лишь став собранным и проверенным доказательством, данные сведения могут быть оценены.

Говоря о проверке доказательств, важно правильно интерпретировать то, что именно является предметом проверки доказательств, как элемента процесса доказывания.

В данном случае правомерно вести речь о проверке сформированных уголовно-процессуальных доказательств, а не сведений, которые потенциально такими доказательствами могут в дальнейшем стать.

Под оценкой доказательств можно понимать интеллектуальную, основанную на логических приёмах деятельность по установлению возможности использования доказательств для достижения цели доказывания,

определению их качественных характеристик, взаимосвязей и значения в контексте доказывания.

Говоря о проблемах участия адвоката-защитника в доказывании, следует признать несостоятельность взглядов на адвоката-защитника, как на лицо, создающее препятствие для достижения истины в процессе доказывания, к которой стремится сторона обвинения. Практика показывает, что субъекты доказывания стороны обвинения далеко не всегда так объективны, как это предполагает их процессуальная роль.

Именно состязательность и активное участие защитника в доказывании может способствовать объективному установлению обстоятельств события преступления, а также создать процессуальные гарантии отсутствия злоупотребления со стороны субъектов стороны обвинения, наделённых властными полномочиями.

Участие защитника в собирании доказательств ограничено отсутствием у данного участника властных полномочий, что соответствует сути и назначению защитника в уголовном судопроизводстве.

Адвокат-защитник, имея возможность собирать сведения, которые потенциально могут стать доказательствами, не вправе в процессуальном смысле их проверить и оценить – данные элементы процесса доказывания относятся к компетенции субъектов, обладающих властными полномочиями, от процессуальных решений которых и зависит переход уголовного дела от стадии к стадии.

Расширение возможностей и условий для участия защитника в доказывании способно повысить качество доказывания в целом, а также в большей мере объективизировать его результаты. В этой связи, как представляется, существующее уголовно-процессуальное регулирование нуждается в усилении гарантий активного участия в доказательственной деятельности адвоката-защитника.

Оптимальным видится введение в досудебное производство института «защитительного заключения», которое выступало бы «противовесом»

заключению стороны обвинения, которое обобщает в себе проделанную на этапе предварительного расследования работу по доказыванию (обвинительное заключение, обвинительный акт, или обвинительное постановление).

Данный процессуальный институт мог бы создать дополнительные гарантии защиты лица, на которое направлено уголовное преследование, способствовать систематизации сведений защитника, потенциально имеющих значение для хода и результатов производства по уголовному делу, а также способствовать выработке и формулированию стороной защиты чёткой позиции по делу.

Данное заключение может направляться адвокатом-защитником непосредственно в суд и таким образом можно было бы создать предпосылки для повышения эффективности доказывания по уголовным делам, основанные на состязательном подходе, предполагающем хоть и опосредованное, но активное и целенаправленное включение адвоката-защитника в процесс доказывания.

Проблемы использования результатов ОРД в доказывании являются одними из самых обсуждаемых, в связи с тем, что существующее уголовно-процессуальное регулирование не позволяет однозначно определить возможность использования результатов ОРД в доказывании, что порождает разные подходы и толкования.

Запрет на использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам не установлен – напротив, такая возможность предусмотрена ст. 89 УПК РФ – только эта возможность предопределена условием соответствия требованиям, обозначенным в УПК РФ и остаётся довольно абстрактной.

Учитывая значительное внимание, уделяемое анализируемому кругу вопросов в науке уголовного процесса, а также пробельностью регулирования в рамках действующего УПК РФ, можно утверждать, что регулирование использования результатов ОРД в доказывании необходимо совершенствовать. Это может позволить в необходимых случаях использовать

результаты ОРД, руководствуясь идеями защиты прав и свобод личности и достижения назначения уголовного судопроизводства.

Как представляется, в качестве варианта решения сложившейся проблемы, можно предложить внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, дополнив её новым п. 7, включающим в себя новый вид доказательства в виде результатов оперативно-розыскной деятельности, а также внести изменения в ст. 89 УПК РФ, детализирующие использование результатов ОРД в рамках уголовного судопроизводства.

В новой редакции ст. 89 УПК РФ могла бы создать необходимый ориентир для использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, сохраняя баланс между потребностью практики и необходимостью гарантировать права и свободы личности, вовлечённой в уголовное судопроизводство.

Доказывание, выступая важнейшей составляющей уголовно-процессуальной деятельности, безусловно, имеет в своей основе положения морали, обеспечивающие осуществление доказывания в соответствии с общими представлениями о нравственности.

Данные моральные требования имеют нормативное закрепление – в противном случае, они бы не имели государственно-властной поддержки и обеспечивались субъектами доказывания, обладающими властными полномочиями, только на добровольной основе в силу самодисциплины и личных представлений о нравственности.

Нормативное закрепление нравственных основ доказывания произведено законодателем на двух уровнях процессуальных норм:

- Нормы-принципы уголовного судопроизводства (глава 2 УПК РФ);
- Нормы, регулирующие отдельные аспекты доказывания (нормы части 1 и 2 УПК РФ).

К первой из обозначенных выше категорий можно отнести следующие нормы-принципы: законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ); уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ);

неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ); неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ).

Данные нормы-принципы включают в себя наиболее общие, базовые нравственные основы, которые в дальнейшем уточняются во второй категории нравственных основ – нормах, регулирующих отдельные аспекты доказывания.

Вторая группа норм, о которой идёт речь, имеет более узкое содержание и направлена на уточнение с точки зрения нравственного содержания конкретных процессуальных процедур, связанных с осуществлением доказывания.

В числе общих требований, направленных на обеспечение нравственного содержания уголовно-процессуальной деятельности, связанной с доказыванием, можно назвать отдельные положения главы 22 УПК РФ «Предварительное следствие». Именно с содержанием данных норм связан ряд проблем, касающихся соблюдения нравственных требований в процессе доказывания.

Тезисно обозначим ряд предложений, связанных с совершенствованием регулирования в указанном направлении.

Следует поддержать высказанные в науке предложения по включению в ст. 164 УПК РФ общего нравственного требования, ориентированного на производство любого следственного действия, направленного на обеспечение сохранности имущества граждан, по аналогии с положением ч. 6 ст. 182 УПК РФ, которое касается только обыска.

Таким образом, можно сформулировать ч. 4.2 ст. 164 УПК РФ следующего содержания: «При производстве следственных действий недопустимо не вызываемое необходимостью повреждение имущества».

Также, в целях наиболее полного обеспечения сохранности тайны частной жизни при осуществлении собирания доказательств в текст ст. 164 УПК РФ следует включить ч. 4.3 следующего содержания: «Следователь

принимает меры для неразглашения ставших известными при производстве следственных действий обстоятельств частной жизни лиц, участвующих в них, а также иных лиц, их личной или семейной тайны».

В настоящее время такая гарантия содержится лишь в ст. 182 УПК РФ, но участники производства любого другого следственного действия вполне могут невольно, или намеренно, получить определённые сведения, составляющие такую тайну и распорядиться ими по своему усмотрению, преступив моральный запрет. Поэтому данное нравственное требование следует распространить на любое следственное действие.

Что касается нравственного положения, обеспечивающего тайну исповеди, в рамках установления свидетельского иммунитета в отношении священнослужителя, обозначенного в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, следует сделать однозначный вывод о том, что священнослужитель вправе дать показания, нарушающие тайну исповеди, но только в случае добровольного волеизъявления, не предполагающего принуждение со стороны должностных лиц государства.

В целях совершенствования существующей регламентации стоит дополнить п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ уточнением: «Священнослужитель религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди или обрядов, схожих с покаянием».

Такой вариант совершенствования регулирования регламентации нравственных сторон допроса видится целесообразным. Благодаря такой формулировке соответствующий иммунитет можно будет распространять на любого священнослужителя религиозной организации, официально действующей в России, применительно к ситуации, связанной с вызовом на допрос в качестве свидетеля.

Таким образом, имеющийся комплекс процессуальных и нравственных проблем доказательственной деятельности должен находить своё разрешение как на уровне нормативного регулирования, так и правоприменения,

поскольку именно непосредственная деятельность следственных органов и суда является претворением в жизнь провозглашаемых на конституционно-правовом уровне идеалов законности, имеющих в своей основе, конечно же, нравственные императивы.

Законодательное регулирование не может и не должно быть безнравственным, а значит законность должна выступать в качестве объективного нравственного идеала для правоприменителя – следователей, дознавателей, прокуроров, судей.

Необходимость поступательного совершенствования норм доказательственного права поддерживается отечественными процессуалистами.

Только таким образом можно обеспечить совершенствование процедур, связанных с доказыванием по уголовным делам и достижением объективных результатов, которые могут стать основой для справедливых судебных решений.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 2. Свердловск, 1973. 401 с.
2. Баев О.Я. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. - М. : Эксмо, 2009. 208 с.
3. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: Проспект, 2018. 304 с.
4. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2005. 528 с.
5. Белкин Р.С. Избранные труды. М. : Норма, 2009. 569 с.
6. Бургер Б.М. Гарантии независимости адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи: монография / под науч. ред. А.А. Хмырова. - М. : Юрлитинформ, 2011. 149 с.
7. Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Контракт, Волтерс Клувер, 2010. 720 с.
8. Воложанин С.Н., Буфетова М.Ш. Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 47-50.
9. Волосова Н.Ю. О тайне исповеди и свидетельском иммунитете священнослужителя в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 91-98.
10. Воробьева Ю.Ю., Жеребятьев И.В. Система носителей информации о доказательствах в условиях реализации принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению // Российский судья. 2005. № 6. С. 28-30.
11. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации: Монография. М. : Юрлитинформ, 2010. 315 с.

12. Герасимова Е.В., Хавдок А.М. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 351-354.

13. Государственный обвинитель в советском суде / Под ред. В.А. Болдырева. М., 1954. 308 с.

14. Давлетов А.А. Обязан ли следователь приобщать к уголовному делу и закреплять в качестве доказательств материалы, представленные адвокатом-защитником? // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 33-38.

15. Доля Е.А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2007. № 6. С. 38-42.

16. Доля Е.А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1. С. 23-28.

17. Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности. М.: Юстицинформ, 2009. 503 с.

18. Жамкова О.Е., Салова А.С. Совершенствование деятельности защитника в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник науч. трудов X Ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (26 ноября 2020 г.) / сост. О.В. Химичева. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 54-56.

19. Жогин Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1973. 518 с.

20. Заика С.В. Способы реализации права адвоката-защитника на собирание доказательств в уголовном процессе путем получения предметов, документов и истребования справок, характеристик, иных сведений и документов // Адвокатская практика. 2022. № 1. С. 15-19.

21. Закомолдин А.В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России. Монография. М. : Юрлитинформ, 2009. 167 с.

22. Закомолдин А.В., Кудзилов Д.Б. Этические основы предварительного расследования: монография. М. : РИОР, 2021. 110 с.

23. Зорин Р.Г. Представление доказательств в уголовном судопроизводстве: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты // Мировой судья. 2013. № 10. С. 9-12.

24. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.02.2018 г. № 73-О18-1 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

25. Клементьева Е.С., Семенкова Е.В. Актуальные вопросы собирания доказательств по уголовным делам // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 190-193.

26. Клоков С.Н., Игнатьева А.В. Идея верховенства формальной истины: эволюция отечественной доктрины уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 71-83.

27. Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для высших учебных заведений. М. : Норма, ИНФРА-М, 2012. 165 с.

28. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X - XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. - Т. 4. - М. : Юрайт, 2020. 278 с.

29. Кондратьева Т.Х. Представление доказательств участниками уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 29 с.

30. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 г. опубликован на

Официальном интернет-портале правовой информации
<http://www.pravo.gov.ru>.

31. Корнуков В.М. Конфликтность интересов в российском уголовно-процессуальном праве с позиции его исторического развития // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 597-602.

32. Кузнецов Д.В. Особенности свидетельского иммунитета священнослужителей различных религий и культов в уголовном праве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 3. С. 377-381.

33. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М. : Юрайт, 2015. 359 с.

34. Ларин А.М. Доказывание и предпроцессуальная деятельность защитника // Адвокатура и современность. М., 1987. С. 84-93.

35. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М. : Юрид. лит., 1966. 160 с.

36. Ларин А.М., Мельникова Э.В., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. М. : БЕК, 1997. 315 с.

37. Лучинкин Ф.М. Проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2022. № 3. С. 5-14.

38. Ляхова А.И., Сотников И.А. Проблемы участия адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 284-286.

39. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 205 с.

40. Малышева О.А. Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 123-131.

41. Михайловская И.Б. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел. М., 1968. 189 с.

42. Михеенкова М.А. Доказательства и доказывание: позиция высших судов и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3. С. 25-29.

43. Николаева К.Н. Самостоятельность проверки доказательств в системе доказывания // Юридический вестник Самарского университета. Т. 3. № 4. 2017. С. 195-199.

44. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М. : Рус. яз., 1987. 797 с.

45. Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 г. № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 2000. №10. Ст. 1164.

46. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 г. № 327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

47. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 г. № 473-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

48. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 г. № 3356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сартакова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс»

49. Определение Конституционного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 2756-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ахмеджанова Руслана Батыровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

50. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 1507-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

51. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

52. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 г. № 1996-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Рустама Идрисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

53. Подольный Н.А. Истина в уголовном процессе: а есть ли проблема? // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2014 года). В 2-х частях. Ч. 2. М., Акад. Следств. комитета РФ, 2014. С. 145-148.

54. Подольный Н.А. Система принципов уголовного судопроизводства как система нравственных ценностей // Lex Russica. 2014. № 4. С. 429-436.

55. Подольный Н.А. Участие защитника в процессе доказывания: проблемы и пути их разрешения // Адвокатская практика. 2018. №1. С. 48-53.

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. №4, 2004.

57. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2013.

58. Приговор Малмыжского районного суда Кировской области от 23.06.2020 г. по делу № 1-2/19/2020 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

59. Приказ Министерства внутренних дел РФ, Министерства обороны РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. 2013. 13 декабря.

60. Пчелинцев А.В. Абсолютна ли тайна исповеди // Законодательство и экономика. 2011. № 5. С. 58-61.

61. Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 105-109.

62. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы (уголовно-процессуальное и

криминалистическое исследование): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2011. 25 с.

63. Савонюк Р.Е. Актуальные проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании по уголовным делам // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 120-124.

64. Семенцов В.А., Гладышева О.В. Закрепление доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 22-24.

65. Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 39-45.

66. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Норма, 2024. 784 с.

67. Советский уголовный процесс: Учебник / Под ред. В.П. Божьева. - М. : Юрид. лит., 1990. 435 с.

68. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 469 с.

69. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств (краткий очерк). М., 1960. 176 с.

70. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел / под ред. Б.Т. Безлепкина. - М., 1988. 181 с.

71. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

72. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

73. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б.Я. Гаврилов. - М. : Издательство Юрайт, 2023. 572 с.

74. Уголовный процесс: Учебник для вузов / под ред. В.И. Радченко. - М. : Юстицинформ, 2006. 784 с.

75. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

76. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

77. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102

78. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. Краснодар, 1996. 188 с.

79. Чеботарева И.Н. Участие защитника в доказывании по уголовным делам: к вопросу обеспечения состязательности процесса // Адвокатская практика. 2017. № 2. С. 54-58.

80. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : НОРМА, 2009. 240 с.

81. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М. : Норма: Инфра-М, 2013. 192 с.

82. Шейфер С.А. Правовой механизм расследования преступлений в России: вчера, сегодня, завтра // Государство и право. 2011. № 5. С. 44-51.

83. Шейфер С.А. Российский следователь – исследователь, или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 35-37.

84. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. 208 с.

85. Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы: монография. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986. С. 15-16.

86. Шумилов А.Ю. Поиск сущности современной оперативно-розыскной деятельности: взгляд сысколога // Оперативник (сыщик). 2014. № 2. С. 3-9.

87. Якупов Р.Х. Уголовный процесс / под ред. К.Ф. Гуценко. - М., 2000. 520 с.

88. Ясельская В.В. Пути повышения эффективности участия защитника на стадии предварительного расследования // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 34-38.

89. Яшина И.А. Принцип законности при производстве по уголовному делу и права человека: проблемы правового регулирования // Современное право. 2013. № 12. С. 123-130.